

Константин Дмитриевич Ушинский

Рассказы о животных

Лиса и козел

Бежала лиса, на ворон зазевалась, - и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидит лиса, горюет. Идет козел, умная голова; идет, бородищей трясет, рожищами мотает; заглянул, от нечего делать, в колодец, увидел там лису и спрашивает:

- Что ты там, лисонька, поделываешь?

- Отдыхаю, голубчик, - отвечает лиса. - Там наверху жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водички холодненькой - сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется.

- Хороша ли вода-то? - спрашивает козел.

- Отличная! - отвечает лиса. - Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козел, чуть лисы не задавил, а она ему:

- Эх, бородатый дурень! И прыгнуть-то не умел - всю обрызгал. '

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козел с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Курица и утята

Захотелось хозяйке развести уток. Купила она утиных яиц, положила под курицу и ждёт, когда у неё утятки выведутся. Сидит курица на яйцах, терпеливо сидит, сойдёт ненадолго корма поклевать да опять на гнездо.

Высидела курица утят, рада, квохчет, по двору их водит, землю

разрывает - корма им ищет.

Вышла как-то курица со своим выводком за ограду, добралась до пруда. Увидали утята воду, все к ней побежали, один за другим вплавь пустились. Курица, бедная, по берегу бегает, кричит, утят к себе зовёт, - боится, что они утонут.

А утята рады воде, плавают, ныряют и вовсе не думают на берег выходить. Еле-еле хозяйка курицу от воды отогнала.

Лиса и гуси

Пришла однажды лиса на лужок. А на лугу были гуси. Хорошие гуси, жирные. Обрадовалась лиса и говорит:

- Вот я сейчас всех вас съем! А гуси говорят:

- Ты, лиса, добрая! Ты, лиса, хорошая, не ешь, пожалей нас!

- Нет! - говорит лиса, - не буду жалеть, всех съем! Что тут делать? Тогда один гусь говорит:

- Позволь, лиса, нам песню спеть, а потом ешь нас!

- Ну ладно, - говорит лиса, - пойте! Стали гуси все в ряд и запели:
Га!

Га-га!

Га-га-га!

Га-га-га-га!

Га-га-га-га-га!

Они и теперь поют, а лиса ждет, когда они кончат.

Лиса Патрикеевна

У кумушки-лисы зубушки остры, рыльце тоненькое, ушки на макушке, хвостик на отлете, шубка тепленькая.

Хорошо кума принаряжена: шерсть пушистая, золотистая; на груди жилет, а на шее белый галстучек.

Ходит лиса тихохонько, к земле пригинается, будто кланяется; свой пушистый хвост носит бережно, смотрит ласково, улыбается, зубки белые показывает.

Роет норы, умница, глубокие; много ходов в них и выходов, кладовые есть, есть и спаленки, мягкой травушкой полы выстланы. Всем бы лисонька хороша была хозяйюшка, да разбойница-лиса - хитрая: любит курочек, любит уточек, свернет шею гусю жирному, не помилует и кролика.

Мышки

Собрались мышки у своей норки, старые и малые. Глазки у них черненькие, лапки у них маленькие, остренькие зубки, серенькие шубки, ушки кверху торчат, хвостица по земле волочатся. Собрались мышки, подпольные воровки, думушку думают, совет держат: "Как бы нам, мышкам, сухарь в норку протащить?" Ох, берегитесь мышки! Ваш приятель, Вася, недалеко. Он вас очень любит, лапкой приголубит; хвостик вам помнет, шубочки вам порвет.

Не ладно скроен, да крепко сшит

Беленький, гладенький зайчик сказал ежу:

- Какое у тебя, братец, некрасивое, колючее платье!

- Правда, - отвечал еж, - но мои колючки спасают меня от зубов собаки и волка; служит ли тебе так же твоя хорошенькая шкурка?

Зайчик вместо ответа только вздохнул.

Охотник до сказок

Жил себе старик со старухой, и был старик большой охотник до сказок и всяких рассказней.

Приходит зимою к старику солдат и просится ночевать.

- Пожалуй, служба, ночуй, - говорит старик, - только с уговором: всю ночь мне рассказывай. Ты человек бывалый, много видел, много знаешь.

Солдат согласился.

Поужинали старик с солдатом, и легли они оба на полати рядушком, а старуха села на лавку и стала при лучине прядь.

Долго рассказывал солдат старику про свое житье-бытье, где был и что видел. Рассказывал до полуночи, а потом помолчал немного и спрашивает у старика:

- А что, хозяин, знаешь ли ты, кто с тобою на полатях лежит?

- Как кто? - спрашивает хозяин, - вестимо, солдат.

Ан, нет, не солдат, а волк.

Поглядел мужик на солдата, и точно - волк. Испугался старик, а волк ему и говорит:

- Да ты, хозяин, не бойся, погляди на себя, ведь и ты медведь.

Оглянулся на себя мужик, - и точно, стал он медведем.

- Слушай, хозяин, - говорит тогда волк, - не приходится нам с тобою на полатях лежать; чего доброго, придут в избу люди, так нам смерти не миновать. Убежим-ка лучше, пока целы.

Вот и побежали волк с медведем в чистое поле.

Бегут, а навстречу им хозяинова лошадь. Увидел волк лошадь и говорит:

- Давай съедим!

- Нет, ведь это моя лошадь, - говорит старик.

- Ну так что же что твоя: голод не тетка.

Съели они лошадь и бегут дальше, а навстречу им старуха,

старикова жена. Волк опять и говорит:

- Давай старуху съедем.

- Как есть? да ведь это моя жена, - говорит медведь.

- Какая твоя! - отвечает волк.

Съели и старуху.

Так-то пробежали медведь с волком целое лето. Настает зима.

- Давай, - говорит волк, - заляжем в берлогу; ты полезай дальше, а я спереди лягу. Когда найдут на нас охотники, то меня первого застрелят, а ты смотри: как меня убьют да начнут шкуру сдирать, выскочи из берлоги, да через шкуру мою переметнись, - и станешь опять человеком.

Вот лежат медведь с волком в берлоге; набрали на них охотники, застрелили волка и стали с него шкуру снимать. А медведь как выскочит из берлоги да кувырком через волчью шкуру... и полетел старик с полатей вниз головой.

- Ой, ой! - завопил старый, - всю спинушку себе отбил.

Старуха перепугалась и вскочила.

- Что ты, что с тобой, родимый? Отчего упал, кажись, и пьян не был!

- Как отчего? - говорил старик, - да ты, видно, ничего не знаешь!

И стал старик рассказывать: мы-де с солдатом зверьем были; он волком, я медведем; лето целое пробежали, лошадушку нашу съели и тебя, старуха, съели. Взялась тут старуха за бока и ну хохотать.

- Да вы, - говорит, - оба уже с час вместе на полатях во всю мочь храпите, а я всё сидела да пряла.

Больно расшибся старик: перестал он с тех пор до полуночи сказки слушать.

Петух да собака

Жил старичок со старушкой, и жили они в большой бедности. Всех животов у них только и было, что петух и собака, да и тех они плохо кормили. Вот собака и говорит петуху:

- Давай, брат Петька, уйдем в лес: здесь нам житье плохое.

- Уйдем, - говорит петух, - хуже не будет.

Вот и пошли они куда глаза глядят. Пробродили целый день; стало смеркаться - пора на ночлег приставать. Сошли они с дороги в лес и выбрали большое дуплистое дерево. Петух взлетел на сук,

собака залезла в дупло и - заснули.

Утром, только что заря стала заниматься, петух и закричал: "Ку-ку-ре-ку!" Услыхала петуха лиса; захотелось ей петушьим мясом полакомиться. Вот она подошла к дереву и стала петуха расхваливать:

- Вот петух так петух! Такой птицы я никогда не видывала: и перышки-то какие красивые, и гребень-то какой красный, и голос-то какой звонкий! Слети ко мне, красавчик.

- А за каким делом? - спрашивает петух.

- Пойдем ко мне в гости: у меня сегодня новоселье, и про тебя много горошку припасено.

- Хорошо, - говорит петух, - только мне одному идти никак нельзя: со мной товарищ.

"Вот какое счастье привалило! - подумала лиса. - Вместо одного петуха будет два".

- Где же твой товарищ? - спрашивает она. - Я и его в гости позову.

- Там, в дупле ночует, - отвечает петух.

Лиса кинулась в дупло, а собака ее за морду - цап!.. Поймала и разорвала лису.

Петушок с семьей

Ходит по двору петушок: на голове красный гребешок, под носом красная борода. Нос у Пети долотцом, хвост у Пети колесцом, на хвосте узоры, на ногах шпоры. Лапами Петя кучу разгребает, курочек с цыплятами созывает:

- Курочки-хохлатушки! Хлопотуньи-хозяйюшки!
Пестренькие-рябенькие, черненькие-беленькие! Собирайтесь с цыплятками, с малыми ребятками: я вам зернышко припас!

Курочки с цыплятами собрались, разкудахтались; зернышком не поделились, передрались.

Петя-петушок беспорядков не любит - сейчас семью помирил: ту за хохол, того за вихор, сам зернышко съел, на плетень взлетел, крыльями замахал, во все горло заорал: "Ку-ка-ре-ку!"

Плутиска кот

I

Жили-были на одном дворе кот, козел да баран. Жили они дружно: сена клок и тот пополам; а коли вилы в бок, так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник: где что плохо лежит, туда и глядит. Вот идет раз котешко-мурлышко, серый лобишко; идет да таково жалостно плачет. Спрашивают кота козел да баран:

- Котик-коток, серенький лобок! О чем ты плачешь, на трех ногах скачешь?

Отвечает им Вася:

- Как мне не плакать! Била меня баба, била; уши выдирала, ноги поломала, да еще и удавку на меня припасала.

- А за что же на тебя такая беда пришла? - спрашивают козел да баран.

- Эх-эх! За то, что нечаянно сметанку слизал.

- Поделом вору и мука, - говорит козел, - не воруи сметаны!

Вот кот опять плачет:

- Била меня баба, била; била - приговаривала: придет ко мне зять, где сметаны будет взять? Поневоле придется козла да барана резать.

Заревели тут козел да баран:

- Ах ты, серый ты кот, бестолковый твой лоб! За что ты нас-то сгубил?

Стали они судить да рядить, как бы им беды великой избыть (избежать. Ред.), - и порешили тут же: всем троим бежать. Подстерегли, как хозяйка не затворила ворот, и ушли.

II

Долго бежали кот, козел да баран по долам, по горам, по сыпучим пескам; пристали и порешили заночевать на скошенном лугу; а на том лугу стога, что города, стоят.

Ночь была темная, холодная: где огня добыть? А

котишка-мурлышка уж достал бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном лбами стукнуться. Стукнулись козел с бараном, искры из глаз посыпались: бересточка так и запылала.

- Ладно, - молвил серый кот, - теперь обогреемся! - да недолго думавши и зажег целый стог сена.

Не успели они еще порядком обогреться, как жалует к ним незванный гость мужичок-серячок, Михаило Потапыч Топтыгин.

- Пустите, - говорит, - братцы, обогреться да отдохнуть; что-то мне неможется.

- Добро пожаловать, мужичок-серячок! - говорит котик. - Откуда идешь?

- Ходил на пчельник, - говорит медведь, - пчелок проведать, да подрался с мужиками, оттого и хворость прикинулась.

Вот стали они все вместе ночку коротать: козел да баран у огня, мурлышка на стог влез, а медведь под стог забился.

III

Заснул медведь; козел да баран дремлют; один мурлыка не спит и всё видит. И видит он: идут семь волков серых, один белый - и прямо к огню.

- Фу-фу! Что за народ такой! - говорит белый волк козлу да барану. Давай-ка силу пробовать.

Заблеяли тут со страху козел да баран; а котишка, серый лобишка, повел такую речь:

- Ах ты, белый волк, над волками князь! Не гневи ты нашего старшего: он, помилуй бог, сердит! Как расходится - никому несдобровать. Аль не видишь у него бороды: в ней-то и вся сила; бородой он всех зверей побивает, рогами только кожу сымает. Лучше подойдите да честью попросите: хотим-де поиграть с твоим меньшим братцем, что под стогом спит.

Волки на том козлу кланялись; обступили Мишу и ну заигрывать. Вот Миша крепился-крепился да как хватит на каждую лапу по волку, так запели они Лазаря (жаловались на судьбу. - Ред.). Выбрались волки из-под стога еле живы и, поджав хвосты, - давай бог ноги!

Козел же да баран, пока медведь с волками расправлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорей домой: "Полно, говорят, без пути таскаться, еще не такую беду наживем".

Старик и старушка были рады-радехоньки, что козел с бараном домой воротились; а котишку-мурлышку еще за плутни выдрали.

Проказы старухи-зимы

Разозлилась старуха-зима, задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего она стала до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться; стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под стреху забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать: накинулась на зверей. Запорошила снегом поля, завалила сугробами леса, одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с ёлки на елку перепрыгивают, потрескивают да пощёлкивают, зверей пугают. Не испугались звери: у одних шубы тёплые, другие в глубокие норы запрятались; белка в дупле орешки грызёт, медведь в берлоге лапу сосёт; зайнышка, прыгаючи, греется, а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, тёплое пойло пьют.

Пуще злится зима - до рыб она добирается: посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молотками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озёрам, по рекам мосты строят. Замёрзли реки и озёра, да только сверху, а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей ещё теплее.

- Ну, постой же, - думает зима, - дойму я людей, и шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах; стучат и в стены, и в двери, так что брёвна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимою посмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать - наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые да как примется топором махать, даже пот прошибёт. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись: от лошадей пар валит, извозчики ногами потопывают, рукавицами похлопывают, плечами подёргивают, морозцы похваляют.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребяташки - и те её не боятся! Катаются себе на коньках да на салазках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают да ещё мороз кличут: "Приди-ка пособить!" Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют, а мальчик схватит снегу, давай тереть - и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять, заплакала со злости. Со стрех зимние слёзы закапали... видно, весна недалёко!

Слепая лошадь

Давно, очень уже давно, когда не только нас, но и наших дедов и прадедов не было еще на свете, стоял на морском берегу богатый и торговый славянский город Винета; а в этом городе жил богатый купец Уседом, корабли которого, нагруженные дорогими товарами, плавали по далеким морям.

Уседом был очень богат и жил роскошно: может быть, и самое прозвание Уседома, или Вседома, получил он оттого, что в его доме было решительно всё, что только можно было найти хорошего и дорогого в то время; а сам хозяин, его хозяйка и дети ели только на золоте и на серебре, ходили только в соболях да в парче.

В конюшне Уседома было много отличных лошадей; но ни в Уседомовой конюшне, ни во всей Винете не было коня быстрее и красивее Догони-Ветра - так прозвал Уседом свою любимую верховую лошадь за быстроту ее ног. Никто не смел садиться на Догони-Ветра, кроме самого хозяина, и хозяин никогда не ездил верхом ни на какой другой лошади.

Случилось купцу в одну из своих поездок по торговым делам, возвращаясь в Винету, проезжать на своем любимом коне через большой и темный лес. Дело было под вечер, лес был страшно темен и густ, ветер качал верхушки угрюмых сосен; купец ехал один-одинешенек и шагом, сберегая своего любимого коня, который

устал от дальней поездки.

Вдруг из-за кустов, будто из-под земли, выскочило шестеро плечистых молодцов со зверскими лицами, в мохнатых шапках, с рогатинами, топорами и ножами в руках; трое были на лошадях, трое пешком, и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду.

Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы под ним был другой какой-нибудь конь, а не Догони-Ветер. Почуввав на узде чужую руку, конь рванулся вперед, своею широкою, сильною грудью опрокинул на землю двух дерзких

злодеев, державших его за узду, смял под ногами третьего, который, махая рогатиной, забегал вперед и хотел было преградить ему дорогу, и помчался как вихрь. Конные разбойники пустились вдогонку; лошади у них были тоже хорошие, но куда же им догнать Уседомова коня?

Догони-Ветер, несмотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, как стрела, пущенная из туго натянутого лука, и далеко оставил за собою разъяренных злодеев.

Через полчаса Уседом уже въезжал в родимую Винету на своем добром коне, с которого пена клочьями валилась на землю.

Слезая с лошади, бока которой от усталости подымались высоко, купец тут же, трепля Догони-Ветра по взмыленной шее, торжественно обещал: что бы с ним ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего верного коня, не прогонять его, как бы он ни состарился, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три меры лучшего овса.

Но, поторопившись к жене и детям, Уседом не присмотрел сам за лошадью, а ленивый работник не выводил измученного коня как следует, не дал ему совершенно остыть и напоил раньше времени.

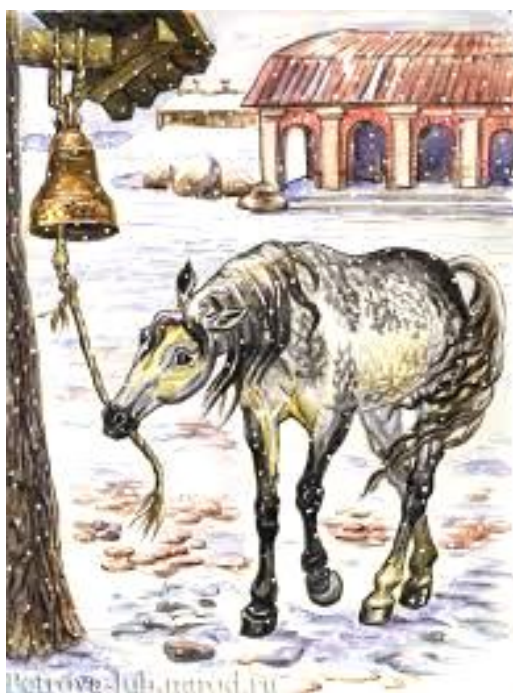
С тех самых пор Догони-Ветер и начал хворать, хилеть, ослабел на ноги и, наконец, ослеп. Купец очень горевал и с полгода верно соблюдал свое обещание: слепой конь стоял по-прежнему на конюшне, и ему ежедневно отпускалось по три меры овса.

Уседом потом купил себе другую верховую лошадь, и через полгода ему показалось слишком нерасчетливо давать слепой, никуда не годной лошади по три меры овса, и он велел отпускать две. Еще прошло полгода; слепой конь был еще молод, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мере.

Наконец, и это показалось купцу тяжело, и он велел снять с Догони-Ветра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занимал напрасно места в конюшне. Слепота коня работники выпроводили со двора палкой, так как он упирался и не шел.

Бедный слепой Догони-Ветер, не понимая, что с ним делают, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошел снег, спать на камнях было жестко и холодно для бедной слепой лошади. Несколько часов простояла она на одном месте, но наконец голод заставил ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая в воздухе, не попадется ли где-нибудь хоть клоч соломы со старой, осунувшейся крыши, брела наудачу слепая лошадь и натыкалась беспрестанно то на угол дома, то на забор.

Надобно вам знать, что в Винете, как и во всех старинных

славянских городах, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было решать какие-нибудь важные дела. Такое собрание народа для решения его собственных дел, для суда и расправы, называлось вечем. Посреди Винеты, на площади, где собиралось вече, висел на четырех столбах большой вечевой колокол, по звону которого собирался народ и в который мог звонить каждый, кто считал себя обиженным и требовал от народа суда и защиты. Никто, конечно, не смел звонить в вечевой колокол по пустякам, зная, что за это от

народа сильно достанется.

Бродя по площади, слепая, глухая и голодная лошадь случайно набрела на столбы, на которых висел колокол, и, думая, быть может, вытащить из стрехи пучок соломы, схватила зубами за веревку, привязанную к языку колокола, и стала дергать: колокол зазвонил так

сильно, что народ, несмотря на то что было еще рано, толпами стал сбегаться на площадь, желая знать, кто так громко требует его суда и защиты. Все в Винете знали Догони-Ветра, знали, что он спас жизнь своему хозяину, знали обещание хозяина - и удивились, увидя посреди площади бедного коня - слепого, голодного, дрожащего от стужи, покрытого снегом.

Скоро объяснилось, в чем дело, и когда народ узнал, что богатый Уседом выгнал из дому слепую лошадь, спасшую ему жизнь, то единодушно решил, что Догони-Ветер имел полное право звонить в вечевой колокол.

Потребовали на площадь неблагодарного купца; и, несмотря на его оправдания, приказали ему содержать лошадь по-прежнему и кормить ее до самой ее смерти. Особый человек приставлен был смотреть за исполнением приговора, а самый приговор был вырезан на камне, поставленном в память этого события на вечевой площади...

Умей обождать

Жили-были себе брат да сестра, петушок да курочка. Побежал петушок в сад и стал клевать зеленехонькую смородину, а курочка и говорит ему: "Не ешь, Петя! Обожди, пока смородина поспеет". Петушок не послушался, клевал да клевал, и наклевался так, что насилу домой добрел. "Ох! - кричит петушок,- беда моя! Больно, сестрица, больно!" Напоила курочка петушка мятой, приложила горчичник - и прошло.

Выздоровел петушок и пошел в поле: бегал, прыгал, разгорелся, вспотел и побежал к ручью пить холодную воду; а курочка ему кричит:

- Не пей, Петя, обожди, пока простынешь.

Не послушался петушок, напился холодной воды - и тут его стала бить лихорадка: насилу домой курочка довела. Побежала курочка за доктором, прописал доктор Пете горького лекарства, и долго пролежал петушок в постели.

Выздоровел петушок к зиме и видит, что речка ледком покрылась; захотелось петушку на коньках покататься; а курочка и говорит ему: "Ох, обожди, Петя! Дай реке совсем замерзнуть; теперь еще лед очень тонок, утонешь". Не послушался петушок сестрицы: покатился по льду; лед проломился, и петушок - бултых в воду!

Только петушка и видели.

Утренние лучи

Выплыло на небо красное солнышко и стало рассылать повсюду свои золотые лучи - будить землю.

Первый луч полетел и попал на жаворонка. Встрепенулся жаворонок, выпорхнул из гнёздышка, поднялся высоко-высоко и запел свою серебряную песенку: "Ах, как хорошо в свежем утреннем воздухе! Как хорошо! Как привольно!"

Второй луч попал на зайчика. Передёрнул ушами зайчик и весело запрыгал по росистому лугу: побежал он добывать себе сочной травки на завтрак.

Третий луч попал в курятник. Петух захлопал крыльями и запел: "Ку-ка-ре-ку!" Куры слетели с насестей, закудахтали, стали разгребать сор и червяков искать.

Четвёртый луч попал в улей. Выползла пчёлка из восковой кельи, села на окошечко, расправила крылья и "зум-зум-зум!" - полетела собирать медок с душистых цветов.

Пятый луч попал в детскую на постельку к маленькому лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на другой бок и опять заснул.

Храбрая собака

Собака, что лаешь?

- Волков пугаю.

- Собака, что хвост поджала?

- Волков боюсь.

Четыре желания

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замёрзшей реке, прибежал домой румяный, весёлый и говорит отцу:

- Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была.

- Запиши твоё желание в мою карманную книжку, - сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по

зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

- Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была.

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать своё желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене, а вечером сказал отцу:

- Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было.

И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень. В саду собирали плоды - румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

- Осень лучше всех времён года!

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

Чужое яичко

Рано утром встала старушка Дарья, выбрала темное, укромное местечко в курятнике, поставила туда корзинку, где на мягком сене были разложены тринадцать яиц, и усадила на них хохлатку.

Чуть светало, и старуха не рассмотрела, что тринадцатое яичко было зеленоватое и побольше

прочих. Сидит курица прилежно, греет яички, сбегает поклевать зернышек, попить водицы, и опять на место; даже вылиняла, бедняжка. И какая стала сердитая, шипит, клохчет, даже петушку не дает подойти, а тому очень хотелось заглянуть, что там в темном уголке делается. Просидела курочка недели с три, и стали из яичек цыплята выклевываться, один за другим: проклюнет скорлупку носом, выскочит, отряхнется и станет бегать, ножками пыль разгребать, червяков искать.

Позже всех проклюнулся цыпленок из зеленоватого яичка. И какой же странный он вышел: кругленький, пушистый, желтый, с коротенькими ножками, с широким носиком. "Странный у меня вышел цыпленок, - думает курица, - клюет, и ходит-то он не

по-нашему; носик широкий, ноги коротенькие, какой-то косолапый, с ноги на ногу переваливается". Подивилась курица своему цыпленку, однако же какой ни на есть, а все сын. И любит, и бережет его курица, как и прочих, а если завидит ястреба, то, распушивши перья и широко раздвинув круглые крылья, прячет под себя своих цыплят, не разбирая, какие у кого ноги.

Стала курочка деток учить, как из земли червячков выкапывать, и повела всю семью на берег пруда: там-де червей больше и земля мягче. Как только коротконогий цыпленок завидел воду, так прямо и кинулся в нее. Курица кричит, крыльями машет, к воде кидается; цыплята тоже перетревожились: бегают, суетятся, пищат; и один петушок с испугу даже вскочил на камешек, вытянул шейку и в первый еще раз в своей жизни заорал сиплым голоском: "Ку-ку-ре-ку!" Помогите, мол, добрые люди! Братец тонет! Но братец не утонул, а превесело и легко, как клоч хлопчатой бумаги, плавал себе по воде, загребая воду своими широкими, перепончатыми лапами. На крик курицы выбежала из избы старая Дарья, увидела, что делается, и закричала: "Ахти, грех какой! Видно, это я сослепу подложила утиное яйцо под курицу".

А курица так и рвалась к пруду: насилу могли отогнать, бедную.